

БОРЬБА РЕЛИГИОЗНЫХ МИССИОНЕРОВ С СУИЦИДАМИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЯМАЛА И ЮГРЫ)

О.Н. Науменко, Ю.А. Бортникова

ФГБОУ «Югорский государственный университет», г. Ханты-Мансийск, Россия
ООО «ЧУ ДПО Международный институт инновационного образования. Центр повышения квалификации», г. Тюмень, Россия

THE FIGHT OF RELIGIOUS MISSIONERS AGAINST THE SUICIDES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN XVII – BEGINNING OF XX CENTURY (ON THE MATERIALS OF YAMAL AND YUGRA)

*O.N. Naumenko,
Yu.A. Bortnikova*

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
Private Institution of Additional Professional Education International Institute of Innovative Education. Center for Advanced Studies, Tyumen, Russia

---

Информация об авторах:

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор (SPIN-код: 3268-1730; AuthorID: 520845; ORCID iD: 0000-0002-4601-987X). Место работы и должность: профессор кафедры истории, философии и права ФГБОУ «Югорский государственный университет». Адрес: Россия, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16. Телефон: +7 (922) 009-93-32, электронный адрес: oolgann@mail.ru

Бортникова Юлия Александровна – кандидат исторических наук (SPIN-код: 1230-7587; AuthorID: 781312; ORCID iD: 0000-0003-0672-0394). Место работы и должность: директор ООО «Частное учреждение дополнительного профессионального образования Международный институт инновационного образования. Центр повышения квалификации». Адрес: Россия, г. Тюмень, пер. 1-й Гостевой, 7. Телефон: +7 (966) 762-15-76, электронный адрес: Jul_soroka@yandex.ru

Information about the authors:

Naumenko Olga Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor (SPIN-code: 3268-1730; AuthorID: 520845; ORCID iD: 0000-0002-4601-987X). Place of work and position: Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ugra State University. Address: Russia, KhMAO-Yugra, Khanty-Mansiysk, 16 Chekhov st. Phone: +7 (922) 009-93-32, email: oolgann@mail.ru

Bortnikova Yulia Aleksandrovna – Historical Sciences PhD (SPIN-code: 1230-7587; AuthorID: 781312; ORCID iD: 0000-0003-0672-0394). Place of work and position: Director of LLC "Private institution of additional professional education International Institute of Innovative Education. Center for Advanced Studies ". Address: Russia, Tyumen, per. 7 1st Guest lane. Phone: +7 (966) 762-15-76, email: Jul_soroka@yandex.ru

Исследование проведено в рамках концепции «Исторического горя», предполагающей, что одна из важнейших причин суицидов коренных народов – стресс от насильственной христианизации. Цель статьи: на основе этнографических материалов и архивных документов изучить результативность миссионерской политики мусульман и христиан по снижению суицидальности и общей смертности у коренных народов Севера в XVII – XIX веках. Материалы и методы. В качестве источников исследования использованы этнографические материалы и статистические данные около 350 метрических книг и метрических таблиц из мечетей и православных церквей, разделённые на 4 территориально-миссионерские зоны. Угро-самодийское население двух северных зон (преимущественно Ямал и Югра) находилось в сфере влияния православной церкви, двух вторых (преимущественно юг современной Тюменской области) – под влиянием сибирских татар-мусульман. По каждому исследуемому региону были рассчитаны: коэффициент естественного воспроизводства населения и коэффициент естественной смертности на одного родившегося. Зная, что уровень суицидальности коренных малых народов Севера влияет на общий уровень смертности в регионах проживания, эти коэффициенты должны выявить, повлияло ли вливание коренных народов в состав православного и мусульманского населения на общий уровень смертности в регионе, и соответственно, удалось ли миссионерам обеих мировых религий изменить отношение народов Севера к смерти. Результаты и выводы: Авторы получили одинаковый результат по зонам христианского и мусульманского миссионерства: в тех поселениях коренных народов, где наблюдалось максимальное воздействие мировых религий, уровень смертности был выше, а нестабильность в

соотношении рождаемости и смертности наблюдалась в переходные периоды, когда им приходилось существовать одновременно в двух разных культурах. Это свидетельствует о наличии «культурного стресса» и подтверждает концепцию «Исторического горя». Так же было установлено, что: 1. Наиболее благоприятная ситуация (резкий рост воспроизводства и снижение смертности по разным причинам) наблюдалась среди новообращённых Обдорской (Михайловской) миссионерской церкви, которые продолжали жить традиционной культурой, но от церкви и государства получали помощь. Если в целом по этой зоне в 1888-1914 гг. коэффициент воспроизводства колебался в пределах от 1,5 до 2,0, то в Михайловской миссионерской церкви имел тенденцию к возрастанию и достиг 6,12-6,87. Среди «идолопоклонников», не затронутых миссионерством, коэффициент воспроизводства в эти годы составлял 1,0-2,5. 2. Проблему суицидов и повышенной смертности миссионерам обеих религий так и не удалось преодолеть; более того, ассимиляция народов Севера сибирскими татарами повлияла на коэффициенты воспроизводства и смертности в мусульманских поселениях. 3. Так как представления народов Севера и сибирский ислам имели множественные совпадения, то существование угро-самодийского населения одновременно в своей и в мусульманской культурах оказалось меньшим «культурным стрессом» по сравнению влиянием русской православной культуры. 4. Периодом, наиболее сложным и опасным для появления синдрома «исторического горя» – стресса от миссионерского воздействия, провоцирующего суициды, оказался переходный этап культурной трансформации, независимо от того, христианским или мусульманским являлось это воздействие. На данном этапе аборигенное население вынуждено было существовать в двух разных культурах. 5. Для решения проблемы суицидов в среде КМНС необходимо соблюдать баланс в методах и подходах, так как иногда меры по борьбе с суицидами могут их провоцировать, создавая сложную культурно-психологическую дилемму.

Ключевые слова: суицид, коренные народы, Христианство, Православие, Ислам, Арктика, Югра, миссионерство

Высокий уровень суицидальности народов Севера – одна из нерешённых в настоящее время проблем циркумполярной культуры. В этой сфере Ямал и Югра не входят в сферу повышенного интереса специалистов, так как официальные показатели самоубийств там ниже, чем, например, в Республике Алтай, где уровень суицидов среди коренного населения превышает общероссийские показатели в 4 раза [1]. Однако статистические данные в исследуемом регионе также высоки. В частности, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) общий уровень суицидальности среди коренных народов за период 2002–2012 гг., составив 79,8 на 100000 населения, был значительно выше по сравнению с «пришлым» населением (49,2 на 100000) [2].

Несмотря на то, что Ханты-Мансийский автономный округ – Югра по уровню суицидальности относится к «зелёной» (благополучной) зоне [3], полевые материалы авторов статьи свидетельствуют о более значительном уровне самоубийств в русифицированной среде коренных малочисленных народов Севера (КМНС), что согласуется с данными отдельных исследователей [4]. Сложность оценки ситуации в динамике так же связана с тем, что статистика суицидальной смертности в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах начала фиксироваться в общей базе только с 1990 г. [5].

Современная картина самоубийств в среде коренных малочисленных народов Севера свидетельствует, что меры социальной поддержки, направленные на превенцию суицида, оказываются эффективными не всегда. Обращение к историческому прошлому даст возможность взглянуть на ситуацию с другого ракурса: глазами пришлого населения, стремившегося противодействовать суицидам

The high level of suicidality of the peoples of the North is one of the currently unsolved problems of circumpolar culture. In this area, Yamal and Ugra are not in the sphere of increased interest of specialists, since the official suicide rates there are lower than, for example, in the Altai Republic, where the suicide rate among the indigenous population is 4 times higher than the national rates [1]. However, the statistics in the study region are also high. In particular, on the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YNAO), the general level of suicide among indigenous peoples for the period 2002-2012, amounting to 79.8 per 100,000 population, was significantly higher compared to the "newcomer" population (49.2 per 100,000) [2].

Despite the fact that the Khanty-Mansiysk Autonomous District – Ugra in terms of the level of suicide belongs to the "green" (safe) zone [3], the field materials of the authors of the article indicate a more significant level of suicides in the Russified environment of indigenous peoples North (indigenous peoples of the North), which is consistent with the data of individual researchers [4]. The complexity of assessing the situation in dynamics is also due to the fact that the statistics of suicidal mortality in the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansiysk Autonomous Districts began to be recorded in the general database only since 1990 [5].

в прошлые века, в том числе с позиции мусульманских и христианских миссионеров. Это поможет выявить наиболее общие тенденции, происходившие в этой сфере в XVII – XIX вв., а также ответить на вопрос: могли ли меры, принятые религиозными миссионерами по предотвращению суицидов, их провоцировать?

Среди исследований по данной проблематике опубликована только одна статья, касающаяся историко-психологических аспектов проблемы, связанной с христианским и мусульманским миссионерством [6]. Настоящее исследование является продолжением этой статьи. Все остальные работы характеризуют современное состояние проблемы [7, 8 и др.], культурно-исторический фактор отношения к смерти [9, 10 и др.], проблему эмоциональности [11, 12 и др.], понимание суицида коренных народов как нормы [9 и др.], суицид как результат «исторического горя», который понимается в качестве стресса от насильственной христианизации и ассимиляции [13 и др.]. На последнее положение обратим особое внимание, так как его подтверждают результаты, полученные авторами настоящей работы.

Цель статьи: на основе этнографических материалов и архивных документов изучить результативность миссионерской политики мусульман и христиан по снижению суицидальности и общей смертности у коренных народов Севера в XVII – XIX веках.

Материалы и методы.

Исследование выполнено на основе двух групп источников.

Первая группа включает комплекс православных и мусульманских метрических книг и метрических таблиц, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) [14] и его подразделении в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске) [15]. Метрические книги представляют собой документы, содержащие полные записи браков, рождений и смертей и отражающие причины смерти, а метрические таблицы – только сводные данные, ежегодно предоставляемые церквями и мечетями в Тобольский статистический комитет.

В целом архивный комплекс метрических книг и таблиц является неполным, отрывчатым, в нём представлены не все годы и не все приходы. Поэтому для сравнительного исследования сделана выборка из 172 православных и 160 мусульманских метрических книг и таблиц, большинство из которых относится к одному историческому периоду (1914, 1915 и 1917 гг.). Эти годы характеризуются схожими социально-экономическими и политическими условиями, а также общей стрессовой ситуацией, вызванной Первой мировой войной и революционными событиями. В эти годы на территории исследуемого региона эпидемии не зафиксированы, статистика погибших на войне в метрических книгах и таблицах не отражалась. Таким об-

The modern picture of suicides among the indigenous small-numbered peoples of the North indicates that social support measures aimed at preventing suicide are not always effective. An appeal to the historical past will give an opportunity to look at the situation from a different angle: through the eyes of a newcomer population who sought to counteract suicides in past centuries, including from the position of Muslim and Christian missionaries. This will help to identify the most general trends that took place in this area in the 17th-19th centuries, and also to answer the question: could the measures taken by religious missionaries to prevent suicides provoke them?

Among the studies on the subject, there is only one published article that addresses the historical and psychological aspects of the problem associated with Christian and Muslim missionary work [6]. This research is a continuation of this article. All other works characterize the current state of the problem [7, 8, etc.], the cultural and historical factor of attitudes toward death [9, 10, etc.], the problem of emotionality [11, 12, etc.], the understanding of suicide of indigenous peoples as norms [9, etc.], suicide as a result of "historical grief", which is understood as stress from violent Christianization and assimilation [13, etc.]. We will pay particular attention to the last statement, since it is confirmed by the results obtained by the authors of this work.

Aim of the article: to study the effectiveness of the missionary policy of Muslims and Christians in reducing suicide and general mortality among the indigenous peoples of the North in the 17th - 19th centuries on the basis of ethnographic materials and archival documents.

Materials and methods.

The study was carried out on the basis of two groups of sources.

The first group includes a complex of Orthodox and Muslim metric books and tables stored in the State Archives of the Tyumen Region (SATR) [14] and its subdivision in Tobolsk (SATR in Tobolsk) [15]. Metric books are documents containing complete records of marriages, births and deaths and reflecting the causes of death, and metric tables are only summary data provided annually by churches and mosques to the Tobolsk Statistical Com-

разом, документы позволяют выявить (и сравнить) естественный прирост и убыль населения на исследуемых территориях. Для выявления видов и мотивов суицидов исследованы метрические книги за другие, более ранние годы. Если православные метрические записи написаны на староцерковном языке, то мусульманские – на арабском (или в арабской графике), что затрудняет их исследование. Для анализа метрические документы разделены на 4 территориально-миссионерские зоны.

Первая зона – труднодоступный для миссионеров Арктический регион с проживанием там в исследуемый период преимущественно кочевых народов Севера. К этой зоне отнесены г. Салехард (Обдорск), современные Берёзовский и Октябрьский районы ХМАО (то есть территории, в настоящее время приравненные к районам Крайнего Севера), – в метрической документации весь этот регион значится как «Берёзовский уезд». Основное миссионерское воздействие здесь исходило от православия.

Вторая зона – Приарктический регион, в метрической документации отражённый как «Сургутский уезд», и в основном совпадающий с территорией современного ХМАО. Здесь обские угры и самоеды проживали преимущественно оседлым образом жизни, что облегчало процесс миссионерства. В исследуемый период эта территория считалась зоной православного миссионерства, причём именно здесь христианское воздействие на народы Севера оказалось более существенным.

Третья зона – «Тобольский уезд» (по метрической документации), который включал часть территорий с ещё не ассимилированным на тот момент обско-угорским населением, и был представлен тремя видами этнических населённых пунктов: сибирских татар, обских угров и русских. На этой территории располагался Искер – один из центров Сибирского ханства [16], и, соответственно, ещё до прихода русского населения коренные народы оказались под влиянием ислама.

Четвёртая зона – «Тюменский» и «Ялуторовский» уезды (по метрической документации). Территории относятся к югу современной Тюменской области, и данные по ним исследуются для сравнения с более северными уездами. Здесь находился ещё один центр Сибирского юрта [17], в результате чего произошло полное слияние предков сибирских татар с угро-самодийским населением. Все поселения коренных народов Севера исчезли. Таким образом, в четвёртой исследуемой зоне влияние ислама оказалось максимальным, а для христианского миссионерства на народы Севера там не осталось социокультурного пространства.

На основе метрических книг и метрических таблиц по каждой территориально-миссионерской зоне было рассчитано два коэффициента: 1) коэффициент естественного воспроизводства населения (КР), получившийся путём

mittee.

In general, the archival complex of registers and tables is incomplete, fragmentary, not all years and not all parishes are represented in it. Therefore, for a comparative study, a group of 172 Orthodox and 160 Muslim metric books and tables most of which belong to one historical period (1914, 1915 and 1917) was chosen as a sample. These years are characterized by similar socio-economic and political conditions, as well as a general stressful situation caused by the First World War and revolutionary events. During these years, epidemics were not recorded on the territory of the studied region, the statistics of those killed in the war were not reflected in registers and tables. Thus, the documents make it possible to identify (and compare) the natural increase and decrease of the population in the studied territories. To identify the types and motives of suicides records for other, earlier years were examined. If Orthodox metric records are written in the Old Church language, Muslim ones are in Arabic (or in Arabic script), which complicates their study. For analysis, metric documents are divided into 4 territorial-missionary zones.

The first zone is the inaccessible for missionaries Arctic region occupied mostly by nomadic peoples of the North during the period under study. This zone includes the city of Salekhard (Obdorsk), the modern Berezovsky and Oktyabrsky districts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (that is, these are the territories currently equated to the regions of the Far North). In the metric documentation this entire region is listed as "Berezovsky district". The main missionary influence here came from Orthodoxy.

The second zone is the Subarctic region, which is reflected in the metric documentation as "Surgut district", and it basically coincides with the territory of the modern Khanty-Mansi Autonomous Okrug. Here the Ob Ugrians and Samoeds lived mainly in a sedentary way of life, which facilitated the process of missionary work. During the period under study, this territory was considered a zone of Orthodox missionary work, and it was here that the Christian influence on the peoples of the North turned out to be more significant.

The third zone is "Tobolsk district" (according to metric documentation)

деления числа родившихся на число умерших; 2) коэффициент смертности на одного родившегося (КС), полученный путём деления числа умерших на число родившихся. Зная, что уровень суицидальности коренных малочисленных народов Севера влияет на общий уровень смертности в регионах их проживания, эти коэффициенты должны выявить, повлияло ли вливание коренных народов в состав православного и мусульманского населения на общий уровень смертности в пределах миссионерских зон, и соответственно, на отношение коренных народов к смерти.

Вторая группа источников включает этнографические данные, которые делятся на две подгруппы: исследования этнографов, опубликованные в XVII – начале XX веков: Н. Витзена [18] и Г. Носилова [19], а также полевые материалы [4]. Для анализа источников авторы применили сравнительно-исторический подход и метод актуализации.

Результаты и обсуждение.

Пути преодоления суицидальных явлений уже несколько веков находятся в фокусе внимания как самих представителей коренных народов, так и переселенцев из других регионов России. С периода Средневековья коренные народы Севера находились под воздействием двух культур: татаро-мусульманской и русско-православной. Обе мировые религии предполагали активное миссионерство, что осуществлялось на протяжении нескольких столетий.

Миссионеры столкнулись с явлением, в настоящее время названным циркумполярной арктической культурой, которая предполагает наличие у народов Севера устойчивых религиозно-культурных представлений, обусловленных выживанием в сложных климатических условиях. По данным XVII – XVIII вв. (и даже позднее) эти условия породили формы организации жизни, выходящие за рамки не только христианских и мусульманских, но и общечеловеческих морально-этических норм: это системные суициды, особенно среди пожилых [6]; каннибализм – нередко в отношениях "родители / дети" [18]; человеческие жертвоприношения [20]; снятие скальпа с врагов [21] и проч. Поэтому перед духовными лицами, проповедующими свою веру народам Севера, встала сложнейшая задача не только духовного спасения человеческих душ, но и сохранения многочисленных жизней в буквальном физическом смысле слова. С приходом в регион русского населения и ликвидацией Сибирского ханства открытые формы мусульманского миссионерства стали невозможными, и оно осуществлялось через скрытые механизмы: торговые контакты, смешанные браки и т.д.

В результате сложилось две модели религиозного миссионерства, и соответственно, два способа предотвращения суицидов в среде коренных народов Севера: христианская (открытая), ориентированная на сохранение

which included part of the territories with the Ob-Ugric population that was not yet assimilated at that time and was represented by three types of ethnic settlements: Siberian Tatars, Ob-Ugrians and Russians. Isker – one of the centers of the Siberian Khanate [16] – was located on this territory and therefore even before the arrival of the Russian population, the indigenous peoples were under the influence of Islam.

The fourth zone is "Tyumen" and "Yalutorovsky" districts (according to metric documentation). The territories belong to the south of the modern Tyumen Oblast, and the data on them are being investigated for comparison with more northern districts. Here was another center of the Siberian yurt [17], as a result of which the ancestors of the Siberian Tatars completely merged with the Ugro-Samoyed population. All settlements of the indigenous peoples of the North have disappeared. Thus, in the fourth study zone, the influence of Islam turned out to be the maximum, and there was no socio-cultural space left for Christian missionary work on the peoples of the North.

Metric books, registers and tables made it possible to calculate two coefficients for each territorial missionary zone: 1) the coefficient of natural reproduction of the population (Birth Quotient – BQ) obtained by dividing the number of births by the number of deaths; 2) the death quotient per one newborn (DQ) obtained by dividing the number of deaths by the number of births. Knowing that the level of suicidality of the indigenous small-numbered peoples of the North affects the overall mortality rate in the regions of their residence, these quotients should reveal whether the infusion of indigenous peoples into the composition of the Orthodox and Muslim populations affected the overall mortality rate within the missionary zones and the attitude of indigenous peoples towards death as a result.

The second group of sources includes ethnographic data which are divided into two sub-groups: studies of ethnographers published in the 17th – early 20th centuries: N. Witzen [18] and G. Nosilov [19], as well as field materials [4]. To analyze the sources, the authors applied a comparative historical approach and a method of actualization.

этнической и хозяйственной самобытности народов Севера (что было связано с необходимостью получения ясака), и мусульманская (скрытая), которая влекла ассимиляцию коренных народов тюркским населением, так как российское законодательство XVII – XIX вв. запрещало распространение всех религий, кроме православной.

Мусульманская модель, включая борьбу с суицидами коренных народов Севера, реализовывалась сибирскими татарами. В умеренной климатической зоне происходил процесс «отатарчивания», в результате чего хозяйственная деятельность народов Севера менялась, ханты и манси переходили к земледелию и постепенно сливались с сибирскими татарами [22]. Этногенетическое исследование показало, что в отдельных группах сибирских татар присутствуют общие антропологические черты с обскими уграми [23], что обусловило схожесть в культурно-религиозной сфере. Сибирский ислам исследуемого периода сформировался как синкретичное явление, включая в себя элементы шаманизма и, соответственно, широкий пласт архаичных представлений [24]. Вместе с ними сохранялись и традиционные представления о смерти. В частности, у тюменских татар тоболо-иртышской группы существовали обско-угорские *иттермы* – куклы для вмещения души после смерти [25]. Как и в культуре обских угров, *иттермы* создавались для всех умерших. В исследовании нет упоминания, что для создания *иттермы* покончившие жизнь суицидом дифференцировались от умерших своей смертью.

Православная модель осуществлялась через попытку изменения религиозного сознания аборигенов: с XVII века на Севере работали отдельные священники-миссионеры, в XVIII веке был основан Кондинский монастырь [26], а с XIX в. начала действовать организованная Обдорская миссия [27]. Предполагалось, что нетерпимость христианства к суицидам обеспечит искоренение этого явления у новообращенной паствы. Однако уже в процессе христианизации выяснилось, что суицидальность, по-прежнему, остаётся серьёзной социальной проблемой. Архивы и полевые материалы XVII – XIX вв. выявили среди крещённых остяков наличие видов и мотивов суицидов, являющихся общими с современной ситуацией:

1. Парные суициды супругов, примером чего является самоубийство через повешенье крещёных остяков Мугульковых в 1885 г. (Обдорская церковь), мужа 29 лет и жены 28 лет [15, Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489.].

2. Суицид родителей как следствие смерти ребёнка; в качестве примера приведём события в этом же населённом пункте через несколько дней: суицид матери после смерти четырёх детей, которые погибли в результате эпидемии [15, Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489.].

3. Суициды стариков [15, Ф. И-156. Оп. 15. Д. 84. Л. 24 об.]. В культуре хантов есть понятие «*толумты*», кото-

Results and discussion.

The ways of overcoming suicidal phenomena have been in the focus of attention of both the representatives of indigenous peoples themselves and immigrants from other regions of Russia for several centuries. Since the Middle Ages, the indigenous peoples of the North were influenced by two cultures: Tatar-Muslim and Russian-Orthodox. Both world religions suggested active missionary work, which has been carried out for several centuries.

The missionaries faced a phenomenon now called the circumpolar Arctic culture, which means that the peoples of the North have stable religious and cultural ideas due to survival in difficult climatic conditions. According to the data of the 17th-18th centuries (and even later) these conditions gave rise to forms of life organization that went beyond the framework of not only Christian and Muslim, but also universal human moral and ethical norms: these are systemic suicides, especially among the elderly [6]; cannibalism that often takes place in parent / child relationships [18]; human sacrifices [20]; scalping enemies [21] and so on. Therefore, the clergy, preaching their faith to the peoples of the North faced the most difficult task of not only the spiritual salvation of human souls, but also the preservation of numerous lives in the literal physical sense of the word. With the arrival of the Russian population in the region and the liquidation of the Siberian Khanate, open forms of Muslim missionary work failed to exist any longer, and it was carried out through hidden mechanisms: trade contacts, mixed marriages, etc.

As a result, two models of religious missionary work have developed, and, as a result, there happened to develop two ways to prevent suicides among the indigenous peoples of the North: Christian (open), focused on preserving the ethnic and economic identity of the peoples of the North (which was associated with the need to obtain yasak) , and Muslim (hidden), which caused assimilation of indigenous peoples with the Turkic population, since the Russian legislation of the 17th - 19th centuries prohibited the spread of all religions, except for the Orthodox.

The Muslim model including the fight against suicides of the indigenous peoples of the North was implemented by

рое означало «старческий маразм». В отличие от принятой у русского населения интерпретации, это понятие несёт дополнительный смысл: «Если старик умирает в состоянии *толумты*, то он в течение года унесет с собой молодого родственника» [4]. Поэтому жизнь он должен закончить заранее, не дожидаясь наступления этого состояния. В метрической книге Обдорской церкви за 1846 г. (январь и февраль) зафиксированы суициды через повешенье трёх престарелых остяков в возрасте 60, 66 и 74 лет [15, Ф. И-156. Оп. 15. Д. 84. Л. 24 об.]. Однако православное миссионерство в ряде случаев предотвращало суициды стариков: принятие христианства снимало с пожилого человека ответственность за последствия так называемой «*толумты*». Возраст крещёных остяков священниками записывался приблизительно, так как в культурах народов Севера не предполагается ни возраст (в годах), ни летоисчисление. По данным церковных метрических книг Обдорской и Назымской волостей, в середине XVIII века основной состав «новокрещённых» остяков включал преимущественно пожилых. Их численность выглядит так: в 1749 г. – 9 человек от 60 до 83 лет; в 1750 г. – 10 человек от 52 до 73 лет, в 1752 г. – 8 человек от 56 до 80 лет, в 1753 г. – 8 человек от 53 до 77 лет [15, Ф. И-156. Оп. 15. Д. 2. Лл. 27–100].

Среди мотивов суицидов, связанных с денежно-долговыми обязательствами, этнографические документы отразили не характерную для других культур психологическую ситуацию. Народы Севера жили в экономике «дарообмена», которая предполагала религиозные подношения духам и богам денег и ряда ценных предметов [22]. Такиеклады были своеобразными «банками»: в сложных финансовых условиях любой член рода мог взять деньги взаймы на неопределённый срок, до изменения своего материального положения. Долг не всегда сопровождался процентами (их устанавливал сам должник). Однако религиозная составляющая таких «кредитных отношений» обеспечивала возврат денег и могла создавать безвыходную психологическую ситуацию: «Ему [остяку] кажется, что его преследует дух, он делается мнительным и следит за каждой своей неудачей, потерей и доходит до того, что не имея сил больше выносить угрызений совести, боясь мести, идёт и давится в лесу на дереве» [19].

Среди способов добровольного ухода из жизни церковные документы зафиксировали только один – повешение («удавление»). На этот факт в начале XX в. также обратил внимание исследователь К.Д. Носилов: «Странно, что это единственный способ лишать себя жизни у вогулов, хотя они имеют ружья; могли бы, наконец, броситься в воду»; «Надо заметить, что вогулы не умеют плавать» [19]. Действительно, утопление как вид суицида отсутствует в церковных документах, хотя формулировка «утонул» в качестве причины смерти изредка фигурирует. Са-

the Siberian Tatars. In the temperate climatic zone, the process of "tataring" took place, as a result of which the economic activity of the peoples of the North changed, the Khanty and Mansi switched to agriculture and gradually merged with the Siberian Tatars [22]. An ethnogenetic study has shown that in some groups of Siberian Tatars there are common anthropological features with the Ob Ugrians [23], which led to the similarity in the cultural and religious sphere. Siberian Islam of the period under study was formed as a syncretic phenomenon, including elements of shamanism and, accordingly, a wide layer of archaic ideas [24]. Along with them, the traditional ideas about death were preserved. In particular, among the Tyumen Tatars of the Tobol-Irtysh group, there were Ob-Ugric itterms – dolls for keeping the soul after death [25]. As in the culture of the Ob Ugrians, itterms were created for all the dead. There is no mention in the study that in order to create itterms, suicidal individuals differentiated from those who died by their own death.

The Orthodox model was implemented through an attempt to change the religious consciousness of the Aborigens: from the 17th century, individual missionary priests worked in the North, in the 18th century the Kondinsky Monastery was founded [26], and from the 19th century the organized Obdorsk mission began to operate [27]. It was assumed that Christianity's intolerance of suicide would ensure the eradication of this phenomenon from the newly converted flock. However, already in the process of Christianization it became clear that suicidality, as before, remains a serious social problem. Archives and field materials of the 17th - 19th centuries revealed the presence of types and motives of suicides among the baptized Ostyaks that are still the same as now:

1. Paired suicides of spouses, an example of which is the suicide by hanging of the baptized Ostyaks Mugulkovs in 1885 (Obdorskaya church), the husband was aged 29 and the wife was aged 28 [15, F. I-156. Op. 15. D. 97. L. 489.].

2. Suicide of parents as a consequence of the death of a child; as an example, let us cite the events in the same settlement a few days later: the suicide of the mother after the death of four children who

мое раннее упоминание о ситуативных суицидах, относящееся к XVII веку – это замерзание в снегу: «Зимой они иногда выходят на охоту в вышеупомянутой лёгкой одежде без подкладки, с открытой грудью. Они рассчитывают на то, что быстро согреются, бегая на лыжах. Если охотника застигнет сильный мороз и пурга, так как в этих местах на Оби иногда невероятно сильные морозы и снегопады, тогда они часто в отчаянии снимают свой кафтан, бросаются ногами в глубокий снег и замерзают, как бы добровольно. Они обнажаются, чтобы скорее, без долгих мучений, покончить с жизнью» [18].

Среди факторов, сопутствующих решению добровольно уйти из жизни, этнографические источники зафиксировали следующие обстоятельства.

Первый фактор. Видение своей смерти во сне. В целом сон как способ предсказания событий будущего у народов Севера отражён в ряде этнографических исследований. В частности, К. Носилов записал историю, как он и сопровождавшей его остяк, не встретив за двое суток ни одного человека, причалили лодку к берегу, на котором сидели два вогула. Увидев путешественников, вогулы испугались, и выяснилось: «Они только что о нас говорили. Один из них видел меня во сне, видел, как показалась из-за этого самого поворота лодка, видел, что в ней сидело два человека, один из которых поразил его своей наружностью, чем-то круглым на голове (я был в широкой шляпе). Он только что проснулся и стал рассказывать свой странный сон, как мы показались из-за мыса...» [19] и т.д.

Многочисленные сюжеты сновидений, связанные со смертью, включающие контакты с умершими родственниками, отражены в монографии Т.А. Молдановой «Архетипы в мире сновидений хантов». При этом в собранных описаниях все сновидения яркие, красочные, цветные, а основная часть эмоций – негативные и пессимистичные (хотя есть и агрессивные): «Чаще всего человек [сновидец – О.Н., Ю.Б.] чувствует страх, ужас, часто ему тоскливо, одиноко, он плачет, ему что-то неприятно, отвратительно...» [12].

У Т.А. Молдановой также хранится предсмертное письмо на хантыйском языке известной венгерской исследовательницы Эвы Шал, которая повесилась в 2001 г. Авторы статьи не получили разрешение на полную публикацию этого письма, но информатор позволила привести из него выдержку, которые в данном исследовании цитируются на русском языке: «Все мои предыдущие указания недействительны!!! Новый вариант: ... Если умру, очень прошу никаких поминок и прочих обрядов не делать абсолютно! Это мне снилось и очень важно, чтобы так было...» [4]. Последнее указание, связанное с собственной смертью в сновидении, свидетельствует о присутствии в суициде явлений бессознательного, интуитивного, изменённого состояния сознания.

died as a result of the epidemic [15, F. I-156. Op. 15. D. 97. L. 489.].

3. Suicides of the elderly [15, F. I-156. Op. 15. D. 84. L. 24v.]. In the culture of the Khanty there is the concept of "tolumty", which means "senile marasmus". In contrast to the interpretation adopted by the Russian population, this concept carries an additional meaning: "If an old man dies in a state of tolumta, he will take a young relative with him within a year" [4]. Therefore, he must end his life in advance, without waiting for the onset of this state. In the metric book of the Obdorsk church for 1846 (January and February) suicides were recorded by hanging three elderly Ostyaks aged 60, 66 and 74 [15, F. I-156. Op. 15. D. 84. L. 24v.]. However, Orthodox missionary work in a number of cases prevented the suicides of the elderly: the adoption of Christianity relieved the elderly person of responsibility for the consequences of the so-called "tolumta". The age of the baptized Ostyaks by the priests was recorded approximately, since neither age (in years) nor chronology is assumed in the cultures of the peoples of the North. According to the church records of the Obdorsk and Nazym volosts, in the middle of the 18th century, the main composition of the "newly baptized" Ostyaks included mainly the elderly. Their number looks like this: in 1749 there were 9 people aged from 60 to 83; in 1750 there were 10 people aged from 52 to 73, in 1752 there were 8 people aged from 56 to 80, in 1753 there were 8 people aged from 53 to 77 years old [15, F. I-156. Op. 15. D. 2. ll. 27-100].

Among the motives for suicide associated with monetary and debt obligations, ethnographic documents reflected a psychological situation that was not typical for other cultures. The peoples of the North lived in an economy of "gift exchange" which involved religious offerings of money and a number of valuable items to the spirits and gods [22]. Such treasures were a kind of "banks": in difficult financial conditions, any member of the clan could borrow money for an indefinite period, until their financial situation changed. The debt was not always accompanied by interest (they were set by the debtor themselves). However, the religious component of such "credit relations" provided a return of money and could provoke a hopeless psychological situation: "It seems to him

Второй фактор, сопутствующий суицидам, выявлен в ходе сбора полевых материалов. Информатор объяснил причины самоубийств, характерные для носителей сразу двух культур – хантыйской и русской: «Самоубийства происходят, когда люди находятся одновременно в двух мирах – хантыйском и русском. Эти миры полярные и несопоставимые, они ненавидят друг друга и раздирают людей изнутри» [4].

Постоянное существование в двух полярных культурах дезориентировало человека, и суицид рассматривался как выход из ситуации. На примере саамов в современной Швеции, которым государство предоставило все возможности для сохранения культуры, дало самоуправление, проводит меры социальной поддержки, можно констатировать, что даже там идут похожие процессы, и учёные приходят к аналогичным выводам: «Когда саамы больше не имеют возможности поддерживать идентичность сами, то отсоединяют себя от мира саами и помещают в экзистенциальную пустоту, где самоубийство является решением [28]. Таким образом, в истории саамов также проявился «побочный эффект»: меры по борьбе с суицидами, с одной стороны, снижают риск самоубийств, помогая в решении социально-экономических проблем, а с другой стороны, порождают новые причины культурно-психологического плана. Как показала история православного миссионерства на Севере, это противоречие высветилось уже в XVII – XVIII вв. и до настоящего времени православной церковью так и не решено.

Третий сопутствующий фактор – алкоголь, который рассматривается практически всеми исследователями в связи с суицидами независимо от этнического компонента [29 и др.]. Метрические документы не дают полной картины смертности (и её мотивации) под влиянием алкоголя, но связь между этими явлениями прослеживается и в прошлые века. В частности, в декабре 1912 г. документы Демьянской церкви Тобольского уезда зафиксировали, что крещёный инородец А.Н. Танлаков 48 лет «замерз в пьяном виде» [14, Ф. И-255, Оп.8, Д. 33. Л. 40].

Точная статистика суицидов коренных народов в период их исламизации и христианизации отсутствует по нескольким причинам: во-первых, основная часть метрических книг XVII – XIX вв. безвозвратно утеряна; во-вторых, священники и муллы предпочитали не указывать самоубийства в качестве причины смерти, так как подобная статистика свидетельствовала об их личных «недоработках»; в-третьих, не всегда причины смерти были известны и самим миссионерам, когда священники лишь изредка навещали кочующих аборигенов.

Косвенным фактором статистики суицидов в период мусульманского и христианского миссионерства может служить общий уровень смертности аборигенов в годы, когда отсутствовали эпидемии, с применением коэффици-

[the Ostyak] that he is being haunted by a spirit, he becomes suspicious and follows his every failure, loss, and comes to the point that, no longer having the strength to endure remorse, fearing revenge, he walks and chokes on a tree in the forest” [19].

Among the methods of voluntary ending one’s life, church documents recorded only one – hanging (“strangulation”). This fact drew attention of the researcher K.D. Nosilov at the beginning of the twentieth century: “It is strange that this is the only way to deprive themselves of life among the Voguls, although they have guns; they could finally throw themselves into the water”; “It should be noted that the Voguls cannot swim” [19]. Indeed, drowning as a form of suicide is not mentioned in church records, although the wording “drowned” appears occasionally as a cause of death. The earliest mention of situational suicides dating back to the 17th century is freezing in the snow: “In winter, they sometimes go hunting in the aforementioned light clothing without lining, with open chests. They expect to get warm quickly while skiing. If the hunter is overtaken by a severe frost and a blizzard, since in these places on the Ob there are sometimes incredibly severe frosts and snowfalls, they often take off their jacket in despair, throw themselves into deep snow with their feet and freeze, as if voluntarily. They expose themselves in order to end their life as soon as possible, without much torment” [18].

Among the factors accompanying the decision to voluntarily die, ethnographic sources recorded the following factors.

First factor. Seeing your death in a dream. In general, sleep as a way of predicting future events among the peoples of the North is reflected in a number of ethnographic studies. In particular, K. Nosilov wrote down the story of how he and the Ostyak who was accompanying him having not met a single person in two days moored a boat to the shore where two Voguls were sitting. Seeing the travelers, the Voguls got scared and it turned out: “They were just talking about us. One of them saw me in a dream, saw how the boat appeared from behind this very turn, saw that there were two people sitting in it, one of whom struck him as he had appeared with something round on his head (I had a big hat on). He just woke up and began to tell

ентов КР и КС. В таблице 1 приведены сравнительные данные смертности по отношению к рождаемости по первой территориально- миссионерской зоне «Березовский уезд» [15, Ф.И-417, Оп.1, Дд. 184, 203, 211, 222, 225, 273, 297].

Таблица / Table 1

Коэффициенты естественного воспроизводства населения (КР) и смертности относительно рождаемости (КС) в первой территориально-миссионерской зоне (Арктический район, «Березовский уезд») / *Quotients of natural reproduction of the population (BQ) and mortality relative to birth (DQ) in the first territorial-missionary zone (Arctic region, "Berezovsky district")*

Год Year	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
«Березовский уезд» в целом <i>«Berezovsky district» in general</i>				
1888	413	657	1,59	0,63
1908	611	958	1,57	0,64
1909	720	975	1,35	0,74
1910	600	1036	1,73	0,58
1912	483	1044	2,16	0,46
1913	640	1003	1,56	0,63
1914	503	1010	2,0	0,5
Приходы церквей с преимущественным населением коренных народов / <i>Parishes of churches with a predominant population of indigenous peoples</i>				
Обдорская Петропавловская церковь <i>Obdorsk Peter-Paul Church</i>				
1988	71	134	1,89	0,52
1908	71	97	1,37	0,73
1909	72	95	1,32	0,76
1910	73	77	1,05	0,95
1912	70	94	1,34	0,74
1913	91	77	1,18	0,85
1914	59	93	1,58	0,63
Обдорская Михайловская (миссионерская) церковь <i>Obdorsk St. Michael (missionary) Church</i>				
1908	37	109	2,94	0,34
1909	29	116	4,00	0,25
1910	30	116	3,89	0,26
1912	24	165	6,87	0,14
1913	24	147	6,12	0,6
Казымская Успенская церковь (с. Полноватское) <i>Kazym Assumption Church (vil. Polnovatskoe)</i>				
1888	11	35	3,18	0,31
1909	36	50	1,39	0,72
1910	37	80	2,16	0,46
1912	26	69	2,65	0,38
1913	31	68	2,19	0,45
1914	26	69	2,65	0,37

his strange dream, and at the same time we showed up from behind the cape...” [19] and so on.

Numerous dream plots associated with death including contacts with deceased relatives are reflected in the monograph by T.A. Moldanova "Archetypes in the world of Khanty dreams." At the same time, in the collected descriptions, all dreams are bright, colorful, vivid and most emotions are negative and pessimistic (there are aggressive ones though as well): “Most often a person [the dreamer – O.N., Yu.B.] feels fear, horror, often they are sad, lonely, they cry, experience something unpleasant or disgusting...” [12].

T.A. Moldanova keeps a suicide letter in the Khanty language written by the famous Hungarian researcher Eva Shal who hanged herself in 2001. The authors of the article did not receive permission to fully publish this letter, but the informant allowed them to cite an excerpt from it which in this study is quoted in Russian: “All my previous instructions are invalid !!! New version: ... If I die, I beg you absolutely not to do any commemorations or other rituals! I had a dream about it and it is very important that it is done so...” [4]. The last indication associated with one's own death in a dream verifies that suicide includes the phenomena of the unconscious, intuitive, altered state of consciousness.

The second factor accompanying suicides was identified during the collection of field materials. The informant explained the reasons for suicides, characteristic of the bearers of two cultures at once – Khanty and Russian: “Suicides occur when people are simultaneously in two worlds – Khanty and Russian. These worlds are polar and incomparable, they hate each other and tear people apart from the inside” [4].

The constant existence in two polar cultures disorientated a person, and suicide was seen as a way out of the situation. Taking the example of the Sami in modern Sweden to whom the state has provided all opportunities for the preservation of culture including self-government and carries out measures of social support, it can be stated that even there are similar processes can be observed which led scientists to come to similar conclusions: “When the Sami no longer have the ability to maintain a Sami identity, disconnect themselves

Христо-Рождественская Сосьвинская церковь
 Sosvinsk Christ Birth Church

1888	46	43	1,07	0,93
1908	27	40	1,48	0,67
1909	39	46	1,17	0,85
1910	18	45	2,5	0,4
1912	13	44	3,38	0,30
1914	22	47	2,14	0,47

«Идолопоклонники»
 "Idolaters"

1888	299	556	2,43	0,41
1908	143	250	1,75	0,57
1909	42	89	2,1	0,47
1910	46	102	2,21	0,45
1912	142	152	1,07	0,93
1914	118	172	1,46	0,69

Данные таблицы свидетельствуют, что наиболее благоприятная ситуация с воспроизводством наблюдалась в приходе Обдорской Михайловский (миссионерской) церкви, где контакты коренных народов Севера с православными священниками были ограниченными. Аборигенное население продолжало жить традиционной культурой, но после принятия православия получило льготы (материальную помощь, налоговые послабления и прочее). Кочевой образ жизни позволял в любой момент уйти из-под миссионерского влияния и, соответственно, снизить психологическое напряжение из-за необходимости существования в двух полярных культурах.

Данные по второй исследуемой зоне (приарктической) представлены «Сургутским уездом» в таблице 2 [15. Ф. И-417, Оп. 1, Дд. 202, 209, 221, 254, 274], где коренное население жило преимущественно оседло, и контакты с православными миссионерами были регулярными. В пределах всего уезда наблюдался стабильный и равномерный прирост населения. Однако у принявших православие народов Севера статистика отличалась: коэффициенты КР и КС имели скачкообразные показатели. Местная власть периодически констатировала неожиданную убыль населения, происходившую после некоторого прироста (иногда внушительного). В целом коэффициент воспроизводства (КР) имел тенденцию к уменьшению, в то время как в первой исследуемой зоне было наоборот: там коэффициент воспроизводства среди аборигенного населения, принявшего православие, показывал рост. Во второй зоне, где контакты аборигенов с миссионерами (и русским населением) были регулярными, убыль являлась естественной и не связанной с масштабными эпидемиями, так как в исследуемый период Югра не входила в состав территорий, отнесённых к эпидемиологическим регионам.

from the Sami world and place themselves in an existential void where suicide is a solution [28]. Thus, in the history of the Sami, a "side effect" also manifested itself: measures that are taken to overcome suicide, on the one hand, reduce the risk of suicide helping to solve socio-economic problems, but on the other hand, they generate new cultural and psychological causes. As the history of orthodox missionary work in the North showed, this contradiction was already highlighted in the 17th - 18th centuries. and to this day the Orthodox Church has not managed to resolve it.

The third concomitant factor is alcohol which is considered by practically all researchers in connection to suicides, regardless of the ethnic component [29, etc.]. Metric documents do not give a complete picture of mortality (and its motivation) under the influence of alcohol, but the connection between these phenomena can be traced in past centuries. In particular, in December of 1912, the documents of the Demyansk church of the Tobolsk district recorded that the baptized foreigner A.N. Tanlakov 48 years old "froze drunk" [14, F. I-255, Op.8, D. 33. L. 40].

Accurate statistics of suicides of indigenous peoples during the period of their Islamization and Christianization are absent for several reasons: first, the bulk of the registers of the 17th-19th centuries are irretrievably lost; secondly, priests and mullahs preferred not to indicate suicide as the cause of death, since such statistics testified to their personal "failures"; thirdly, the causes of death were not always known to the missionaries themselves, as priests only occasionally visited nomadic aborigines.

An indirect factor in the statistics of suicides during the period of Muslim and Christian missions can be the general mortality rate of aborigines in the years when there were no epidemics using the coefficients of BQ and DQ. Table 1 shows the comparative data of mortality in relation to the birth rate for the first territorial missionary zone "Berezovsky district" [15, F.I-417, Op.1, DD. 184, 203, 211, 222, 225, 273, 297].

The data in the table indicate that the most favorable situation with reproduction was observed in the parish of the Obdorsk St. Michael (missionary) church where contacts of the indigenous peoples of the

Таблица / Table 2

Коэффициенты естественного воспроизводства населения (КР) и смертности относительно рождаемости (КС) во второй территориально-миссионерской зоне (приарктический район, «Сургутский уезд») / *Quotients of natural reproduction of the population (BQ) and mortality relative to birth (DQ) in the second territorial-missionary zone (subarctic region, "Surgut district")*

Год Year	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
Сургутский уезд (округ) в целом "Surgut district" in general				
1888	155	238	1,53	0,65
1908	306	472	1,54	0,64
1909	213	361	1,69	0,59
1910	267	407	1,52	0,65
1912	286	544	1,90	0,52
1913	208	491	2,36	0,42
1914				
Приходы церквей с преимущественным населением коренных народов / <i>Parishes of churches with a predominant population of indigenous peoples</i>				
Юганская Богоявленская церковь Ugan Epiphany Church				
1888	28	29	0,96	1,03
1908	31	53	1,71	0,58
1909	42	41	0,97	1,02
1910	16	58	3,63	0,27
1912	29	42	1,45	0,69
1913	11	44	4,00	0,25
1914	36	30	0,83	1,20
Самаровская Успенская церковь Samarov Assumption Church				
1888	12	14	1,66	0,85
1908	17	22	1,29	0,77
1908	14	16	1,14	0,87
1910	6	10	1,6	0,60
1913	9	6	0,66	1,5
1914	16	12	0,75	1,33
Ларьякская Знаменская церковь Laryak Church of the Sign				
1888	18	40	2,22	0,45
1908	73	95	1,3	0,77
1908	18	82	4,55	0,21
1910	95	83	0,87	1,14
1912	41	87	2,12	0,47
1913	124	92	0,74	1,35
1914	52	77	1,48	0,67
Тундринская Церковь (иностранческая волость) Tundrin Church (foreign parish)				
1888	45	60	1,33	0,75
1912	51	97	1,90	0,52
1914	82	73	0,89	1,12

North with Orthodox priests were limited. The aboriginal population continued to live in their traditional culture, but after the adoption of Orthodoxy, they received benefits (material assistance, tax breaks, etc.). The nomadic way of life made it possible to get away from the missionary influence at any time and, accordingly, to reduce the psychological stress due to the need to exist in two polar cultures.

The data for the second study area (subarctic) are presented by the "Surgut district" in table 2 [15. F. I-417, Op. 1, DD. 202, 209, 221, 254, 274], where the indigenous population lived predominantly settled, and contacts with Orthodox missionaries were regular. Within the entire county, a stable and uniform population growth was observed. However, among the peoples of the North who converted to Orthodoxy, the statistics differed: BQ and DQ had jump-like indicators. The local authorities periodically noted an unexpected population decline that occurred after a certain increase (sometimes impressive). In general, the reproduction rate (BQ) tended to decrease, while in the first study zone it was the other way around: there, the reproduction rate among the aboriginal population who converted to Orthodoxy showed an increase. In the second zone, where contacts of the aborigines with missionaries (and the Russian population) were regular, the decline was natural and not associated with large-scale epidemics, since during the study period Ugra was not part of the territories referred to epidemiological regions.

The instability in the BQ and DQ coefficients in the second territorial-missionary zone can be explained by indigenous peoples being in the stage of cultural transformation when they were forced to exist in two polar cultures, which created an internal psychological conflict. In addition, the Russian population brought new diseases and alcohol, which exacerbated the stressful situation. However, the question arises: was the revealed tendency characteristic only for Christianized peoples or was it manifested during the Islamization of the peoples of the North?

The result is presented in tables 3 and 4 [15, F. I – 255; Op. 4. DD. 1–41; Op. 5. DD. 1–31; Op. 6. D. 1–80; 14, F. I – 417. Op. 1. Dd. 230, 251, 291].

Таблица / Table 3

Коэффициенты естественного воспроизводства (КР) и смертности относительно рождаемости (КС) в мусульманских юртах Тюменского и Ялуторовского уездов Тобольской губернии (1915, 1917 гг.)
 Quotients of natural reproduction of the population (BQ) and mortality relative to birth (DQ) in Muslim yurts of the Tyumen and Yalutorovskiy districts of the Tobolsk province (1915, 1917)

Название юрт Yurts names	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
Ялуторовский уезд / Yalutorovskiy district				
Авазбахиевские / Avazbachievs	23	29	1,36	0,73
Арланинские / Arlanins	30	33	1,10	0,91
Верхне-Ингалские / High-Ingals	13	35	2,70	0,37
Зимне-Сунгульские / Wenter-Sunguls	24	25	1,04	0,96
Карсаховские / Karsakhovs	5	7	1,40	0,71
Кошелевские / Koshelevs	13	27	2,08	0,48
Красноярские / Krasnoyarsks	2	8	4,0	0,25
Нижне-Зимне-Сингульские / Low-Winter-Singuls	8	27	3,37	0,29
Ново-Атиловские / New-Atilovs	38	35	0,92	1,08
Осиновские / Osinovs	27	24	0,88	1,12
Ревдинские / Revdins	15	33	2,20	0,45
Сунгуровские / Sungurovs	9	7	0,77	1,28
Тюменский уезд / Tyumen district				
Акияровские / Akiyarovs	22	18	0,82	1,22
Андреевские / Andrejevs	4	8	2,00	0,50
Больше-Каскаринские / Big-Kaskarin	26	25	0,96	1,04
Варваринские / Barbarins	22	44	2,00	0,50
Есаульские / Yesauls	8	8	1,0	1,0
Кенитырлинские / Kenityrlins	15	29	1,93	0,52
Макитские / Makits	5	6	1,2	0,83
Мало-Акияровские / Small-Akiyarovs	8	11	1,37	0,72
Мало-Кашкарлинские / Small-Kashkarlins	18	10	0,55	1,8
Матмасовские / Matmasovs	19	47	2,47	0,4
Мулашевские / Mulashevs	22	21	0,95	1,04
Тарманские / Tarmans	13	25	1,92	0,5
Салаирские / Salairs	18	22	1,22	0,82
Чикчинские / Chikchins	8	15	1,87	0,53
Якуповские / Yakupovs	10	8	0,8	1,25
Янтыковские / Yantyks	17	26	1,53	0,65
Алабаевские 1-ой мечети / 1 st mosque Alabayevs	23	26	1,13	0,88
Алабаевские 2-ой мечети / 2 nd mosque Alabayevs	14	31	2,21	0,45
Большие-Акияровские / Big-Akiyarovs	14	10	0,71	1,4
Большие-Есаульские / Big-Yesauls	7	14	2,0	0,5
Большие-Красноярские / Big-Krasnoyarsks	27	42	1,55	0,64
Боровские / Borovs	13	18	1,38	0,72
Искинские / Iskins	28	22	0,78	1,27
Казаровские / Kazarovs	25	23	0,92	1,08
Кангбурские (Кулинбургские) / Kangburs (Kulinburgs)	16	13	0,81	1,23
Кандерские / Kanders	39	17	0,43	2,29
Курбанские / Kurbans	24	40	1,66	0,60

Таблица (продолжение) / Table 3

Название юрт Yurts names	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
Матияровские / Matiyarovs	17	13	0,76	1,30
Ново-Булгары / New-Bulgars	7	7	1,00	1,00
Ново-Шабабинские / New-Shababins	15	25	1,66	0,6
Торханские / Torkhans	5	18	3,6	0,27
Тураевские / Turayevs	35	30	0,86	1,17
Чистопольские / Chistopol'sks	7	16	2,28	0,44
Шайтанские / Shaitans	8	19	2,37	0,42
Коэффициенты в целом / Quotients in general			1,53	0,88

Нестабильность в коэффициентах КР и КС во второй территориально-миссионерской зоне может быть объяснена нахождением коренных народов в стадии культурной трансформации, когда они вынуждены были существовать в двух полярных культурах, что создавало внутренний психологической конфликт. Кроме этого, русское население принесло новые болезни и алкоголь, что усугубляло стрессовую ситуацию. Однако возникает вопрос: выявленная тенденция была характерна только для христианизируемых народов или же проявлялась при исламизации народов Севера? Результат представлен в таблицах 3 и 4 [15, Ф. И-255; Оп. 4. Дд. 1-41; Оп. 5. Дд. 1-31; Оп. 6. Д. 1-80; 14, Ф. И-417. Оп.1. Дд. 230, 251, 291].

An analysis of metric books showed that in the territory of the Tyumen and Yalutorovsk districts (the fourth missionary zone), where the massive Ob-Ugric component entered the culture of the Siberian Tatars, the natural mortality rate of DQ in Muslim yurts turned out to be a quarter higher than in the third missionary zone ("Tobolsk" district).

On the territory of the Tobolsk district (the third missionary zone), the death-to-birth ratio (DQ) in Muslim yurts was significantly lower (Table 4).

Таблица / Table 4

Коэффициент естественного воспроизводства (КР) и смертности относительно рождаемости (КС) в мусульманских юртах Тобольского уезда Тобольской губернии (1914, 1916 гг.) / Quotients of natural reproduction of the population (BQ) and mortality relative to birth (DQ) in Muslim yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province (1914, 1916)

Название юрт Yurts names	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
Абаульские / Abauls	14	21	1,5	0,66
Армиазонские / Armizons	15	26	1,73	0,58
Ахмамаевские / Akhmamayevs	5	15	3,0	0,33
Балахменские / Balakhmens	7	14	2,0	0,50
Бигитинские / Bigitins	25	38	1,65	0,60
Вагайские / Vagays	43	61	1,41	0,70
Верхне-Бахтиревские / High-Bakhtirevs	4	13	3,25	0,30
Вершек-Агатские / Vershek-Agats	10	32	3,2	0,31
Еланские / Yelans	16	13	0,81	1,23
Епанчинские / Yepanchins	17	25	1,47	0,68
Есаульские / Yesauls	10	18	1,2	0,83
Индорские / Indors	8	13	1,62	0,61
Кайнаульские / Kaynauls	17	33	1,94	0,51
Казынбаевские / Kazynbajevs	25	36	1,44	0,69
Канданские / Kandans	10	12	1,2	0,83
Караганские / Karagans	21	42	2,0	0,50
Катангуйские / Katangujs	8	17	2,12	0,47

Таблица (продолжение) / Table 4

Название юрт Yurts names	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
Кильмаметевские / Kil'mametevs	13	17	1,31	0,76
Кумаровские / Kumarovs	23	22	0,96	1,04
Мало-Караганские / Small-Karagans	9	16	1,77	0,56
Мершамовские / Mershamovs	16	19	1,19	0,84
Нагорные / Nargornys	12	10	0,83	1,20
Нердинские / Nerdins	22	20	0,9	1,10
Нижне-Бахтеревские / Low Bachterevs	4	13	3,25	0,31
Ново-Абдуллинские / New-Abdullins	25	36	1,44	0,69
Носовские (Сабанаковские) / Nosovs (Sabanakovs)	26	19	0,73	1,37
Ренченские / Renchens	17	29	1,7	0,59
Саургатские / Saurgats	19	21	1,1	0,90
Салинские (Селост) / Salins (Selost)	28	36	1,28	0,80
Сеитовские / Seitovs	10	12	1,2	0,83
Старицкие / Starizks	19	25	1,31	0,76
Суклинские / Suklins	9	13	1,44	0,69
Супринские / Suprins	30	41	1,36	0,73
Тактагульские / Taktaguls	4	7	1,75	0,57
Тебендинские/Tebedins	19	33	1,74	0,57
Тугузские, 1-ой мечети / 1 st mosque Tuguzs	11	30	2,72	0,36
Тугузские, 2-ой мечети / 2 nd mosque Tuguzs	17	25	1,47	0,68
Тянкинские / Tyankins	7	16	2,28	0,44
Уватские / Uvats	3	29	9,60	0,10
Узкинские / Uzkins	10	11	1,10	0,90
Усть-Курбанские / Ust'-Kurbans	26	26	1,00	1,00
Уткарминские / Utkarmins	10	39	3,9	0,27
Чертарайские / Chertarays	10	12	1,20	0,83
Араповские / Arapovs	5	10	2,0	0,5
Ахманаевские / Akhmanays	3	11	3,66	0,27
Балахминские / Balakhmins	3	8	2,66	0,37
Ново-Абдуллинские / New-Abdullins	52	43	0,83	1,2
Тянкинские / Tyankins	7	19	2,71	0,37
Уткарминские / Utkarmins	15	31	2,06	0,48
Чертарайские / Chertarays	19	17	0,89	1,11
Метрическая книга юрты Тобольского уезда Metric book of Tobolsk district yurt	9	15	1,66	0,6
Ашлыкские / Ashlyks	10	21	2,1	0,48
Казанские / Kazans	31	39	1,26	0,79
Кашикульские / Kashikuls	18	23	1,28	0,78
Кусчургульские / Kuschurguls	18	27	1,5	0,66
Мышкинские / Myshkins	19	27	1,42	0,70
Тобьль-Турбинские / Tobyl-Turbins	19	17	0,89	1,11
Турбинские / Turbins	11	20	1,82	0,55
Эскальбинские / Eskal'bins	5	10	2,00	0,50
Общие коэффициенты / Quotients in general			1,84	0,65

Таблица / Table 5

Сравнительный коэффициент естественного воспроизводства (КР) и смертности относительно рождаемости (КС) в последних исламизированных юртах народов Севера / Quotients of natural reproduction of the population (BQ) and mortality relative to birth (DQ) in the last Islamized yurts of the peoples of the North

Год Year	Название юрт Yurts names	Умершие Deaths (n)	Родившиеся Births (n)	КР BQ	КС DQ
1914	Ачирские / Achirs	5	10	2,0	0,5
1914	Котуковские / Kotukovs	21	13	0,62	1,61
1911	Большие Есаульские / Big-Yesauls	6	16	2,66	0,37
1914		7	14	2,0	0,50
1911	Есаульские / Yesauls	6	9	1,50	1,66
1914		8	8	1,00	1,00
1911	Есаульская Соборная мечеть Yesauls' Cathedral Mosque	2	2	1,00	1,00
1912		21	21	1,00	1,00
1914		10	12	1,2	0,83
1911	Шайтановские / Shaitans	22	16	0,72	1,37
1917		8	19	2,37	0,42
1914	Черторойские / Chertoroys	15	12	0,8	1,25
1914	Нижне-Бахтеревские / Low-Bakhterevs	4	13	3,25	0,30
1914	Ренченские (Реньинские) Renchens (Ren'ins)	17	29	1,7	0,59
1914	Балахминские (Вармахминовские) Balakhmins (Barmakhmins)	3	8	2,66	0,37
1914	Куларовские / Kularovs	23	21	0,91	1,09
1914	Китякские / Kityaks	21	13	0,62	1,61
1911	Б. Красноярские / Big-Krasnoyarsks	27	44	1,63	0,61
1917		27	42	1,55	0,64
1914	Тянкинские / Tyankins	7	6	0,85	1,66
1917		7	19	2,71	0,36

Анализ метрических книг показал, что на территории Тюменского и Ялуторовского уездов (четвёртая миссионерская зона), где в культуру сибирских татар вошёл объёмный обско-угорский компонент, коэффициент естественной смертности КС в мусульманских юртах оказался на четверть выше, чем в третьей миссионерской зоне («Тобольский» уезд).

На территории Тобольского уезда (третья миссионерская зона) коэффициент соотношения смертности и рождения (КС) в мусульманских юртах оказался значительно ниже (таблица 4). Обратим внимание, что Тобольский уезд включал два вида территорий: 1) непосредственно вокруг Тобольска – центра Сибирского ханства, где сибирскими татарами также были ассимилированы все обско-угорские поселения; 2) часть более северных территории (Конда – Кондинские юрты и т.д.), где этой ассимиляции ещё не произошло.

В исследуемый период «чистые» инородческие поселения в Тобольском уезде / округе составляли внушительную часть от общего количества населённых пунк-

Note that the Tobolsk district included two types of territories:

1) directly around Tobolsk, the center of the Siberian Khanate where all Ob-Ugric settlements were also assimilated by the Siberian Tatars;

2) a part of more northern territories (Konda – Kondinsky yurts, etc.) where this assimilation did not take place. During the period under study, “pure” foreign settlements in the Tobolsk district constituted an impressive part of the total number of settlements: in 1868 and 1869. – 28.4% in 1893 and 1903 – 26.6%, in 1912 – 25.9% [30].

It should be noted that the BQ and DQ coefficients are instable which is characteristic of the Islamized settlements of the Ob Ugrians (table 5) [14, F. I-417, Op. 1, DD. 230, 251, 291].

The table includes the Swamp Tatars who are considered the last Ob Ugrians who converted to Islam and have preserved the

тов: в 1868 и 1869 гг. – 28, 4% в 1893 и 1903 гг. – 26,6%, в 1912 г. – 25, 9% [30]. Обратим внимание на нестабильность коэффициентов КР и КС, характерных для исламизированных поселений обских угров (таблица 5) [14, Ф. И-417, Оп. 1, Дд. 230, 251, 291]. В таблицу включены заболотные татары, которые считаются последними обскими уграми, принявшими ислам и сохранившими черты традиционной культуры Севера до настоящего времени [31]. Их населённые пункты в русской документации упомянуты как «Бывшая инородческая волость»: это Эскалбинская волость, включавшая юрты Ачирские, Еманаульские (Есаульские), Носкинские и др. [32]. Кроме этого, прежний этнический обско-угорский компонент татарских юрт отразился в названиях «Истяжская волость» (от «остяки» – ханты), «Шайтанские» юрты (шайтан – обско-угорский идол) и т.д. Метрические данные по этим юртам являются обрывистыми и не дают возможности проследить статистику по годам, но анализ имеющихся данных все же позволяет выявить наличие двух факторов.

1. Присутствуют скачки в коэффициентах КР и КС в близко расположенных юртах, что, соответственно, не может быть объяснено вспышками заболеваний. Такие же скачки выявлены при христианизации народов Севера во второй исследуемой зоне, когда народы Севера вынуждены были существовать в двух полярных культурах.

2. Скачки в коэффициентах исламизированных аборигенов выражены значительно слабее, чем при их христианизации. Для объяснения феномена обратим внимание, что между средневековым вариантом сибирского ислама и традиционными культурами народов Севера было намного больше общего, чем с православием: наличие идолов, практика многожёнства, схожесть представлений об экономических отношениях, отказ от изображения лиц на ряде предметов и т.д. [22]. Такая схожесть обеспечивала менее болезненное вхождение аборигенов в другую культуру и снижала стресс от «исторического горя» насильственного миссионерства.

Заключение.

Решить проблему суицидов у коренных народов Севера не удалось ни мусульманским, ни христианским миссионерам, а повышенная смертность оставалась актуальной на протяжении веков даже при слиянии народов Севера с сибирскими татарами и принятии ислама. Периодом, наиболее сложным и опасным для появления синдрома «исторического горя» – стресса от миссионерского воздействия, провоцирующего суициды, оказался переходный этап культурной трансформации, независимо от того, христианским или мусульманским являлось это воздействие. На данном этапе аборигенное население вынуждено было существовать в двух разных культурах.

features of the traditional culture of the North till the present day [31].

Their settlements in the Russian documentation are referred to as the “Former foreign districts (volosts)”: this is the Eskalba volost that included the Achir, Emanaul (Esaulskiy), Noskin and other yurts [32]. In addition, the former ethnic Ob-Ugric component of Tatar yurts was reflected in the names “Istyak volost” (from “Ostyaks” in Khanty), “Shaitan” yurts (shaitan is an Ob-Ugric idol), etc. The metric data for these yurts is abrupt and does not make it possible to track statistics over the years, but the analysis of the available data still reveals the presence of two factors.

1. There are jumps in the BQ and DQ in closely located yurts, which cannot be explained by outbreaks of diseases. The same leaps were revealed during the Christianization of the peoples of the North in the second study zone when the peoples of the North were forced to exist in two polar cultures.

2. The jumps in the coefficients of the Islamized aborigines are much less pronounced than during their Christianization. To explain the phenomenon, let us note that there was much more in common between the medieval version of Siberian Islam and the traditional cultures of the peoples of the North than with Orthodoxy: worshiping idols, having polygamy, the similarity of ideas about economic relations, the refusal to depict faces on a number of objects, etc. [22]. This similarity made it easier for Aboriginal people to enter another culture and reduce the stress of the "historical grief" of forcible missionary work.

Conclusion

Neither Muslim nor Christian missionaries succeeded in solving the problem of suicides among the indigenous peoples of the North, and the increased mortality rate remained relevant for centuries even with the merger of the peoples of the North with the Siberian Tatars and adoption of Islam. The most difficult and dangerous period for the emergence of the syndrome of "historical grief" that caused the stress from the missionary influence provoking suicides turned out to be a transitional stage of cultural transformation, regardless of whether this influence was Christian or Muslim. At this stage, the aboriginal population was forced to exist in two different cultures. In the history of indigenous peoples, the most favora-

В истории коренных народов наиболее благоприятным периодом с точки зрения снижения смертности оказался начальный этап миссионерства, когда они продолжали жить традиционной культурой, но получали помощь как новообращённые. На всех остальных этапах миссионерства проблема суицидов и повышенной смертности народов Севера продолжала существовать даже при их ассимиляции, однако переход в сибирский ислам происходил мягче в силу сходства ряда мировоззренческих установок.

Результаты исследования показывают, что для решения проблемы суицидов в среде КМНС необходимо соблюдать баланс в методах и подходах, так как иногда меры по борьбе с суицидами могут их провоцировать, создавая сложную культурно-психологическую дилемму.

ble period in terms of reducing mortality was the initial stage of missionary work when they continued to live in their traditional culture but received help as new converts. At all other stages of the missionary work the problem of suicides and increased mortality of the peoples of the North continued to exist even with their assimilation, but the transition to Siberian Islam turned out to be softer due to the similarity of a number of ideological beliefs.

The results of the study show that in order to solve the problem of suicides among the indigenous minorities, it is necessary to maintain a balance in methods and approaches, since sometimes measures to overcome suicides can provoke them instead creating a complex cultural and psychological dilemma.

Литература / References:

1. Семёнова Н.Б. Суицидальное поведение у детей и подростков коренных народов Сибири: клинические факторы риска. *Суицидология*. 2019; 10 (1): 36-47. [Semenova N.B. Suicidal behavior in native children and adolescents of Siberia: clinical risk factors. *Suicidology*. 2019; 10 (1): 36-47.] (In Russ) DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-36-47
2. Sumarokov Y.A., Brenn T., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets Autonomous Okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study. *BMC Psychiatry*. 2015; 15: 224. Published 2015 Sep 23. DOI: 10.1186/s12888-015-0601-z
3. Самоубийства в России за год: статистика, количество по регионам URL: <http://www.statdata.ru/samoubijstva-v-rossii> (Доступ: 08.05.2020) [Suicides in Russia for the year: statistics, number by region URL: <http://www.statdata.ru/samoubijstva-v-rossii> (Accessed: 08.05.2020)] (In Russ)
4. Полевые материалы автора. Информатор – Молданова Татьяна Александровна, 1951 г.р. [Field materials of the author. Informant - Moldanova Tatyana Aleksandrovna, born in 1951] (In Russ)
5. Центр демографических исследований. Описание базы данных. [Center for Demographic Research. Description of the database] URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data [Center for Demographic Research. Description of the database] (In Russ)
6. Науменко Е.А. Психологические факторы суицидов в среде коренного населения Арктической зоны Западной Сибири в XVII-XIX вв. (по материалам региональных архивов). Былые годы. *Российский исторический журнал*. 2020; 57 (3): 944-951. [Naumenko E.A. Psychological factors of suicide among the indigenous population of the Arctic zone of Western Siberia in the XVII-XIX centuries (based on the materials of the regional archives). Past years. *Russian Historical Journal*. 2020; 57 (3): 944-951.] DOI: 10.13187/bg.2020.3.944
7. Семенова Н.Б. Современные стратегии профилактики суицида у коренных народов: обзор зарубежной литературы. *Суицидология*. 2017; 8 (2): 3–19. [Semenova N.B. Modern strategies of preventive measures against suicide in native people: foreign literature review. *Suicidology*. 2017; 8 (2): 3-19.] (In Russ)
8. Петренко Д.С. Бич алкоголизма и эпидемия суицидов у коренных малочисленных народов Севера: стратегия противостояния. *Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний*. М., 2015. С. 33–37. [Petrenko D.S. The scourge of alcoholism and the epidemic of suicide among the indigenous small-numbered peoples of the North: a strategy of confrontation. *Actual problems of social and humanitarian knowledge*. М., 2015. pp. 33-37.] (In Russ)
9. Положий Б.С. Суициды в контексте этнокультурной психиатрии. *Психиатрия и психофармакотерапия*. 2002; 6: 245–247. [Polozhy B.S. Suicides in the context of ethno-cultural psychiatry. *Psychiatry and psychopharmacotherapy*. 2002; 6: 245–247.] (In Russ)
10. Семёнова Н.Б. Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: религиозно-мировоззренческие аспекты отношения к смерти. *Суицидология*. 2018; 9 (1): 36-43. [Semenova N.B. Causes of suicidal behavior in native peoples of Siberia: religious and world outlook aspects of attitude to death. *Suicidology*. 2018; 9 (1): 36-43.] (In Russ)
11. Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra. *SHS Web of Conferences*. 2018. 50. 01184. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (Доступ / Accessed: 10.11.2018).
12. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. 354 с. [Moldanova T.A. Archetypes in the world of Hunts ' dreams. Tomsk: Publishing house of the Tomsk University, 2001. 354 p.] (In Russ)
13. Herne M.A., Bartholomew M.L., Weahkee R.L. Suicide mortality among American Indians and Alaska Natives, 1999–2009. *Am. J. Public Health*. 2014; 104: 36–42.
14. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). [The State Archive of the Tyumen Region (SATR)] (In Russ)
15. Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске). [The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk (SATR in Tobolsk).] (In Russ)
16. Белич И.Б. Чертеж «Кучумово городище и старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2010; 1 (12): 141-155. [Belich I.B. Drawing "Kuchumovo settlement and old Siberia "from the" Chorographic drawing book " by S.U. Remezov. To mark the 300th anniversary of the compilation of the first Russian geographical atlas of Siberia. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2010; 1 (12): 141-155.] (In Russ)
17. Белич И.Б. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмень. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2007; 7: 143-157. [Belich I.B. On the etymology, semantics and history of the origin

- of the medieval name of Tyumen. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2007; 7: 143-157.] (In Russ)
18. Витзен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии// [Электронный ресурс] / URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (Доступ: 10.11.2018). [Vitsen N. Northern and Eastern Tartary, including the regions located in the northern and eastern parts of Europe and Asia // [Electronic resource] / URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (Access: 10.11.2018).] (In Russ)
  19. Носилов К.Д. У вогулов. Очерки и наброски. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 264 с. [Nosilov K. D. At vogulov. Essays and sketches. Ed. 2th. M.: LENAND, 2015. 264 p.] (In Russ)
  20. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. *Российское государство в XIV-XVII вв.* СПб. 2002. URL: (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Materialy_Kand_monast/pred.htm) [Materials for the history of the Kondinsky Trinity Monastery of the XVII century. *The Russian state in the XIV-XVII centuries*. St. Petersburg. 2002. URL: (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Materialy_Kand_monast/pred.htm)] (In Russ)
  21. Самый страшный плен: почему русские больше всего боялись попасть в заложники к хантам и манси // URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/149159-samyu-strashnyy-plen-pochemu-russkie-bo.html> [The most terrible captivity: why the Russians were most afraid of being taken hostage by the Khanty and Mansi // URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/149159-samyu-strashnyy-plen-pochemu-russkie-bo.html>] (In Russ)
  22. Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A., Naumenko E.E. The currency of the Russian empire in the culture of the Yugra indigenous peoples: practical aspects of colonialism and reflections on multiculturalism. *Social Evolution and History*. 2019; 18 (1): 157-179.
  23. Агджоян А.Т., Балановская Е.В., Падюкова А.Д., и др. Генофонд сибирских татар: пять субэтносов – пять путей этногенеза. *Молекулярная биология*. 2016; 50 (6): 978-991. [Agjojan A. T., Balanovskaya E. V., Padyukova A.D., etc. The gene pool of the Siberian Tatars: five subethnoses – five ways of ethnogenesis. *Molecular biology*. 2016; 50 (6): 978-991.] (In Russ)
  24. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 2. / Под ред. А.П. Яркова. М., 2019. 368 с. [Islam is at the end of the world. The History of Islam in Western Siberia. Vol. 2. / Edited by A.P. Yarkov. M., 2019. 368 p.] (In Russ)
  25. Ярзуткина А.А. «Идолопоклонство» сибирских татар: история изучения вопроса и опыт систематизации этнографических материалов. *Тюркские народы: матер. V Сибирского симпозиума*. Тобольск, Омск, 2002. С. 77–91. [Yarzutkina A. A. "Idolatry" of the Siberian Tatars: the history of studying the issue and the experience of systematization of ethnographic materials. *The Turkic peoples: mater. V Siberian Symposium*. Tobolsk, Omsk, 2002. pp. 77-91.] (In Russ)
  26. Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (Сборник документов). Томск, 2007. 354 с. [Kodinsky (Kondinsky) Holy Trinity Monastery in the first half of the XVIII century: people and walls of the Siberian monastery on the eve of secularization (Collection of documents). Tomsk, 2007. 354 p.] (In Russ)
  27. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. *Сборник документов*. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 200 с. [Obdorsky kraj and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents. Yekaterinburg: "Thesis", 2004. 200 p.] (In Russ)
  28. Stoor J.P., Kaiser N, Jacobsson L, Renberg ES, Silviken A. "We are like lemmings": making sense of the cultural meaning(s) of suicide among the indigenous Sami in Sweden. *Int J Circumpolar Health*. 2015; 74: 27669. Published 2015 Sep 1. DOI: 10.3402/ijch.v74.27669
  29. Разводovsky Ю.Е. Влияние ценового регулирования доступности алкоголя на уровень суицидов в России. *Девантология*. 2019; 3 (2): 9-12. [Razvodovsky Y.E. The effects of alcohol pricing policy on suicide rates in Russia. *Deviant Behavior (Russia)*. 2019; 3 (2): 9-12.] (In Russ)
  30. Татарникова А.И. Динамика численности и величины сельских поселений Северо-Западной Сибири во второй половине XIX – первой трети XX вв. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016; 11-2 (73): 179-181. [Tatarnikova A.I. Dynamics of the number and size of rural settlements in North-Western Siberia in the second half of the XIX-first third of the XX centuries. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2016; 11-2 (73): 179-181.] (In Russ)
  31. Адаев В.Н. Последние угры Заболотья: информация XVIII – XX вв. Сулеймановские чтения (пятнадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 7–13. [Adaev V.N. The last Ugrians of Zabolotye: information of the XVIII-XX centuries. Suleiman readings (fifteenth). All-Russian scientific and practical conference "Socio-demographic and cultural state of the Siberian Tatars". Tyumen: Tyumen State University Press, 2012. pp. 7-13.] (In Russ)
  32. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с. [Administrative-territorial division of the Tyumen region (XVII-XX centuries) / Edited by V.P. Petrova. Tyumen: FSU IPP "Tyumen", 2003. 304 p.] (In Russ)

THE FIGHT OF RELIGIOUS MISSIONERS AGAINST THE SUICIDES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN XVII – BEGINNING OF XX CENTURY (ON THE MATERIALS OF YAMAL AND YUGRA)

O.N. Naumenko,
Ju.A. Bortnikova

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia; oolgann@mail.ru
LLC Private Institution of Additional Professional Education International Institute of Innovative Education. Center for Advanced Studies ", Tyumen, Russia; Jul_soroka@yandex.ru

Abstract:

The study was conducted within the framework of the concept of "Historical Grief", which suggests that one of the most important causes of suicide among indigenous peoples is the stress of violent Christianization. *Aim of the article:* on the basis of ethnographic materials and archival documents to study the effectiveness of the missionary policy of Muslims and Christians to reduce suicide and general mortality among the indigenous peoples of the North in the 17th-19th centuries. *Materials and methods.* Ethnographic materials and statistical data of about 350 metric books and metric tables from mosques and Orthodox churches, divided into 4 territorial-missionary zones, were used as the research sources. The Ugra-Samoyed population of the two northern zones (mainly Yamal and Ugra) was in the sphere of in-

fluence of the Orthodox Church, the second two (mainly the south of the modern Tyumen region) were under the influence of the Siberian Muslim Tatars. For each study region, the following were calculated: the rate of natural reproduction of the population and the rate of natural mortality per one born. Knowing that the suicidality rate of indigenous small peoples of the North affects the overall mortality rate in the regions of residence, these coefficients should reveal whether the infusion of indigenous peoples into the Orthodox and Muslim populations influenced the overall mortality rate in the region, and, accordingly, whether the missionaries of both world religions succeeded to change the attitude of the peoples of the North to death. *Results and conclusions:* The authors obtained the same result for the zones of Christian and Muslim missions: in those settlements of indigenous peoples, where the maximum influence of world religions was observed, the mortality rate was higher, and the instability in the ratio of fertility and mortality was observed during transition periods, when they had to exist simultaneously in two different cultures. This indicates the presence of "cultural stress" and confirms the concept of "Historical Grief". It was also found that: 1. The most favorable situation (a sharp increase in reproduction and a decrease in mortality for various reasons) was observed among the converts of the Obdorsk (Mikhailovskaya) missionary church who continued to live in the traditional culture, but received help from the church and the state. If in general for this zone in 1888-1914 the reproduction rate ranged from 1.5 to 2.0, in the Mikhailovskaya missionary church it tended to increase and reached 6.12-6.87. Among the "idolaters" not affected by missionary work, the reproduction rate in these years was 1.0-2.5. 2. The missionaries of both religions have not been able to overcome the problem of suicide attempters and increased mortality; moreover, the assimilation of the peoples of the North by the Siberian Tatars influenced the rates of reproduction and mortality in Muslim settlements. 3. Since the ideas of the peoples of the North and Siberian Islam had multiple coincidences, the existence of the Ugra-Samoyed population simultaneously in their own and in Muslim cultures turned out to be less "cultural stress" in comparison with the influence of Russian Orthodox culture. 4. The most difficult and dangerous period for the emergence of the syndrome of "historical grief" was the stress from missionary influence, provoking suicide, turned out to be a transitional stage of cultural transformation, regardless of whether this influence was Christian or Muslim. At this stage, the aboriginal population was forced to exist in two different cultures. 5. To solve the problem of suicides among the indigenous peoples, it is necessary to maintain a balance in methods and approaches, since sometimes measures to combat suicides can provoke them, creating a complex cultural and psychological dilemma.

Keywords: suicide, indigenous peoples, Christianity, Orthodoxy, Islam, Arctic, Ugra, missionary work

Вклад авторов:

О.Н. Науменко: дизайн статьи, сбор материала и перевод публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи;

Ю.А. Бортникова: написание и редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

O.N. Naumenko: design of the article, collection of material and translation of publications on the topic of the article, writing and editing of the text of the manuscript;

Ju.A. Bortnikova: writing and editing of the text of the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках Научных проектов: 1) 20-19-50307 «Борьба религиозных миссионеров с суицидами коренных народов Севера в XVII – начале XX вв. (на материалах Ямала и Югры)»; 2) 20-013-00423 «Статусные значения интуитивности в суицидальной зависимости личности в условиях Арктического региона».

Financing: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of Scientific projects: 1) 20-19-50307 "The struggle of religious missionaries with suicides of the indigenous peoples of the North in the XVII-early XX centuries (based on the materials of Yamal and Ugra)"; 2) 20-013-00423 "Status values of intuitiveness in the suicidal dependence of the individual in the conditions of the Arctic region".

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 09.05.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 22.07.2021.

Для цитирования: Науменко О.Н., Бортникова Ю.А. Борьба религиозных миссионеров с суицидами коренных народов Севера в XVII – начале XX вв. (на материалах Ямала и Югры). *Суицидология*. 2021; 12 (2): 3-22. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-3-22

For citation: Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A. The fight of religious missionaries against the suicides of indigenous peoples of the North in XVII – beginning of XX century (on the materials of Yamal and Yuga). *Suicidology*. 2021; 12 (2): 3-22. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-3-22 (In Russ / Engl)